Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Евгений Кисин: «Мой единственный критерий – это любовь»

07.08.2013.

Photo © N. Sikorsky

Про Кисина, как и про любую знаменитость, ходит много пересудов – одни создают легенды и мифы, другие их развенчивают. В случае с Евгением, личностью не только известной, но и крайне неординарной, диапазон «диагнозов» максимально широк – от человека не от мира сего до обычного аутиста, чего только не услышишь. Как это обычно бывает, особенно бойко рассуждают те (в обеих категориях), кто никогда лично с музыкантом не общался, так что на чем основана их осведомленность, неизвестно.

В нашем представлении, лучший способ избавить Евгения Кисина от всех окружающих его «имиджей», это дать выговориться ему самому. Что мы и сделали на прошлой неделе в Вербье с превеликим удовольствием – в присутствии

многочисленных поклонников пианиста и просто любопытствующих граждан, до отказа заполнивших Chalet Orny. (Мы попросили организаторов в следующий раз нужно будет поискать помещение попросторнее – обещали построить.) Итак, Вам слово, Женя, Евгений, Евгений Игоревич!

Наша Газета.ch: Евгений, Вы впервые приехали в Вербье в 1994 году, на самый первый фестиваль. Как это получилось? Кто Вас пригласил?
Я прекрасно помню, что в январе 1994 года играл сольный концерт в Тель-Авиве, в Израиле, в пользу Фонда Артура Рубинштейна. Я дружил с ныне покойным основателем и директором этого Фонда Яном Быстрицким. Во время моего пребывания в Тель-Авиве со мной связался директор Израильского Филармонического оркестра Ави Шошани *(по совместительству - советник директора Фестиваля в Вербье - НС)*, который рассказал мне об этом Фестивале и пригласил приехать. Вот так это и получилось.

Евгений Кисин (NashaGazeta.ch)

Какие воспоминания остались у Вас от этого первого приезда в Вербье?
Я помню, что нашу семью разместили в шале, принадлежавшем Настасье Кински.

Неплохо! А что играли тогда, помните?
Сольный концерт. Сейчас припомню… кажется, эта была та же программа, что и полугодом ранее в Тель-Авиве: Шуман, Шуберт, Шопен, Лист.

Бытует легенда, что Вы начали играть, не достигнув двухлетнего возраста: сидели в манеже, слушали, как занимается сестра, а потом подошли к роялю и заиграли Баха. Это правда?
Почти.

Детали!
Возможно, я начал слушать, как сестра занимается на рояле, еще до рождения – она на десять с половиной лет старше меня. В первые 11 месяцев моей жизни я слушал ее, стоя в манеже, а потом, в 11 месяцев, пропел тему фуги Баха, над которой она тогда работала.

Комментарии излишни!
После этого я начал петь на слух все, что слышал от сестры, с имевшихся дома пластинок, по радио… Когда я дорос до того, чтобы, стоя на полу, дотянуться до клавишей *(изображает, как именно - НС)*, мне было два года и два месяца. Я начал играть по слуху сначала одним пальцем, а потом и всеми десятью. Вот так это было.

Невероятно! Но если серьезно – Вы действительно обладаете феноменальной памятью. Вы запоминаете не только музыкальные партитуры, но и стихи, письма, целые философские трактаты…
Я запоминаю только то, что мне нравится!

Конечно, но все-таки!
Например, в 8 или 9-м классе я выучил наизусть учебник по химии, чтобы получить пятерку. А на следующий день напрочь все забыл, и не помню ни единого слова.

Какая селективная память. Вы ее развивали, или это природный дар?
Я никогда ничего не делал специально, чтобы развить память, но я уверен, что некоторые вещи этому способствуют. Конечно, это природный дар, но верно и то, что чем больше мы запоминаем, тем больше развиваем память, будь то музыка, литература или что-то еще.

Я уверена, что Вы прекрасно помните первую встречу с Анной Павловной Кантор, Вашим педагогом по жизни. Вам было тогда пять или шесть лет.
Да, почти 6. Одна из подруг и коллег моей мамы, в течение многих лет преподавшей фортепиано в детской музыкальной школе, была замужем за известным московским пианистом и педагогом Евгением Либерманом. Оба они знали меня с рождения. Когда мне было пять, Либерман попытался со мной заниматься, но ничего не получилось, так как по его собственным словам, занятия с детьми не были его специальностью.

Вопрос из зала (NashaGazeta.ch)

Тогда он рассказал обо мне Анне Кантор, одному из лучших в Москве детских педагогов, и организовал встречу – не сказав об этом родителям, которые не хотели тогда, чтобы я был музыкантом. Поскольку моя сестра уже училась музыке, они прекрасно знали, какой тяжелый это труд, и думали, что я буду заниматься чем-то другим.

Например?
Они думали, что я пойду в школу с интенсивным, пять раз в неделю, преподаванием английского языка, находившуюся недалеко от нашего дома.

Итак, встреча с Анной Павловной…
Да, так встреча была организована, и родители повели меня в музыкальную школу имени Гнесиных. Я отлично помню, что на мне была рубашка с короткими рукавами с какими-то собачками и бабочками на красном фоне. Мы немножко подождали в коридоре, а потом справа появилась Анна Павловна, вся в зеленом и с забинтованной левой ногой, которую она сломала несколькими месяцами ранее и которая очень долго заживала.

Что было потом, я не помню, но Анна Павловна столько раз мне рассказывала, что...

Какова же ее версия?
Я начал играть для нее на слух, по памяти. В то время слушать музыку и воспроизводить ее были два моих любимых занятия. И вот я сыграл «Балладу» Шопена, 12-ую Рапсодию Листа, ту самую, что играл здесь несколько дней назад, отрывки из «Щелкунчика» Чайковского… И тут мама сказала госпоже Кантор, что я также люблю импровизировать, играть свою собственную музыку.

Действительно, я любил описывать, так сказать, музыкой окружающий мир. Анна Павловна попросила меня сыграть темный лес и встающее над ним солнце, пение птиц и так далее. Я сыграл. Она похвалила и попросила повторить, а я ответил, что не помню. Она мне не поверила и спросила, могу ли сыграть по-другому про тот же темный лес, думая, что я повторюсь. А я сыграл что-то совершенно новое.

Большой талант не всегда помогает. В первые годы учебы мне все давалось так

*легко, что я просто не чувствовал необходимости работать: занимался по 20 минут в день, а все остальное время играл на слух для собственного удовольствия.*Тогда она пригласила еще двух педагогов. Они меня послушали, и одна из них, очень милая женщина, педагог по сольфеджио, сказала маме, что меня нужно отвести к логопеду – тогда никто кроме родителей не понимал ни слова из того, что я говорил!

В общем, меня приняли в Гнесинскую школу, где я проучился 12 лет. За эти годы наша семья очень сблизилась с Анной Кантор, у которой никогда не было собственной семьи – всю жизнь она посвятила своим ученикам.

И с тех пор вы не расставались, она стала членом вашей семьи. Какова ее роль в Вашей жизни сегодня?
Раньше Анна Павловна много со мной ездила, но увы, всему приходит конец, ей уже 90 лет. После смерти мамы Анна Павловна съехалась с ее лучшей подругой, Еленой Эфрусси, они прожили вместе 30 лет, а когда не стало и Елены Самойловны, Анна Павловна переехала жить к нам. Это было 22 года назад. Когда я был маленьким и ленился заниматься, Елена Самойловна, старшая мудрая подруга, говорила Анна Павловне: «Больше в него верьте!»

Это должно ободрить стольких родителей! Если уж Вы ленились!...
Знаете, большой талант не всегда помогает. По крайней мере, так было в моем случае. В первые годы учебы мне все давалось так легко, что я просто не чувствовал необходимости работать: занимался по 20 минут в день, а все остальное время играл на слух для собственного удовольствия.

И это занятиями не считалось?
Конечно, нет, это и не были занятия. А когда потом на уроке Анна Павловна спрашивала меня: «Ты много занимался?» Я говорил, что да. «Сколько раз играл?» «Два!»

Но потом, когда я был уже в позднем подростковом возрасте, известный московский критик Геннадий Цыпин написал обо мне статью, которая была опубликована в важнейшем музыкальном журнале, «Музыкальная жизнь», а затем включена в его книгу об известных российских пианистах. В целом его статья была очень положительная, но в конце он сделал несколько критических замечаний о моей игре. А в конце книжной версии он написал в том духе, что «… создается впечатление, что до сих пор для Кисина в игре на фортепиано все было легко. Порой, пожалуй, даже слишком легко. Отсюда - и плюсы и минусы его искусства. Сегодня в первую очередь видно то, что идет от его уникального природного дарования. И это прекрасно, конечно, но только до поры до времени. В будущем что-то обязательно должно будет измениться. Что? Как? Когда? Все зависит от этого».

И наступил момент, когда я кожей почувствовал, что для того, чтобы хорошо играть, надо много заниматься.

Вы до сих пор советуетесь с Анной Павловной?
Когда я разучиваю новую программу, я ее для нее проигрываю.

А как Вы готовите новую программу? Что влияет на Ваш выбор того или другого произведения?*Мой единственный критерий – это любовь. К счастью, фортепианный репертуар огромен, и я могу только надеяться прожить достаточно*

долго, чтобы успеть сыграть все, что мне хочется, и на таком уровне, как мне хочется. Мой единственный критерий – это любовь. К счастью, фортепианный репертуар огромен, и я могу только надеяться прожить достаточно долго, чтобы успеть сыграть все, что мне хочется, и на таком уровне, как мне хочется. То есть сначала я выбираю то, что хочу играть, а уж потом начинаю думать о том, какие произведения и в какой последовательности будут лучше сочетаться друг с другом. Иногда я возвращаюсь к старым произведениям моего репертуара, но чаще всего стараюсь его обновлять по той же причине – есть столько произведений, которые я хотел бы сыграть.

Вы уехали из Союза в 1991 году. Если не ошибаюсь, одной из причиной было то, что тогдашний министр обороны задался целью призвать Вас в армию…
Это была причина не отъезда, а того, что в течение пяти с половиной лет я не играл в России. Не знаю насчет министра, возможно, это исходило от нижестоящих чиновников. В то время все мужчины должны были в 18 лет идти в армию. Когда к этому возрасту приблизился я, несколько известных музыкантов написали письмо в соответствующие инстанции с просьбой предоставить мне отсрочку для продолжения учебы.

Я уехал из России в конце 1991 года, а в феврале 1992-го, в самом начале истории так называемой новой демократической России, мне пришла повестка, которую наши соседи забрали из почтового ящика. На повестке стоял штамп: «отсрочка аннулирована».

Вот тебе и новая Россия…
Я пытался что-то сделать, так как очень хотел играть в моей родной стране. И вот однажды моя фамилия была внесена в список особо одаренных молодых творческих людей, получивших отсрочку от армии. Но потом повестки вновь стали приходить на наш домашний адрес, даже когда срок действия отсрочки еще не истек. Думаю, чиновники просто ждали взятки.

А потом я получил высшую российскую награду в области искусств. Люди, ответственные за это, обратились в правительство с просьбой предоставить мне возможность приехать в Россию получить ее и дать пару сольных концертов. Единственное, чего они смогли добиться, это годовой отсрочки. Чиновники минобороны объяснили, что с радостью освободили бы меня от воинской повинности навсегда, но законодательство не давало им такой возможности.

Сольный концерт Евгения Кисина в Вербье, 26 июля 2013 (Aline Paley)

В итоге была организована специальная церемония премии «Триумф» в мою честь, летом 1997 года. На нее был приглашен и министр обороны. Я произнес длинную речь, в которой упомянул и полученную незадолго до этого годовую отсрочку. Тут вся аудитория расхохоталась, а все телекамеры навели объективы на министра, который застенчиво улыбался. После церемонии многие подходили к нему, говоря: «Как Вам не стыдно! Неужели Вы не можете освободить его раз и навсегда!» На что

он, смеясь, отвечал: «Дайте ему еще одну премию, и мы дадим ему еще одну отсрочку».

Большинство музыкантов Вашего уровня работает с одним крупным агентством, которое занимается их делами. Вы же предпочитаете иметь разных агентов в разных странах. Почему?
По той же причине – и я только сию минуту это понял! – по которой я предпочитаю играть соло, а не с оркестром или в камерных ансамблях. Я люблю все держать в своих руках. Так удобнее.

Литература играет очень важную роль в Вашей жизни…
Как и в жизни России вообще! Как писал Пушкин, «Поэт в России больше, чем поэт».

Это верно. Здесь, в Вербье, публика имела возможность слушать Ваши декламации на разных языках. Как Вы находите время читать и что Вы сейчас читаете?
Читаю в любой свободный момент, подчас в ущерб собственному здоровью. Например, вернувшись вчера после ужина, я начал читать роман Виктора Астафьева «Печальный детектив», написанный в 1980-х – тогда я читал только отрывки из него. И читал до четырех утра. Очень талантливый писатель, как я осознал вчера ночью, но очень нехороший человек с расистскими взглядами.

Политика также с недавнего времени занимает все большее место в Вашей жизни.
С недавнего времени я начал высказываться, а политикой интересовался еще с юности. Вернее, отдельными аспектами политики. Густав Малер сердился на людей, включая коллег-музыкантов, которые говорили, что что-то их не касается. И гордо заявлял, что все касается его, Густава Малера. Ни с кем себя не сравнивая, я тоже не могу оставаться равнодушным к различным проблемам нашей планеты, которая становится все меньше. Даже если, к сожалению, я мало что могу сделать, чтобы помочь. А то и вообще ничего.

При этом я никогда не интересовался политическими интригами, всеми мерзкими историями, которые, увы, неразрывно связаны с политикой. Но, как и Вы, я вырос в России в очень интересное время, время больших перемен. Я внимательно следил за происходившими изменениями – невообразимыми для меня и людей моего круга. Однако я всегда сознавал, что многие творческие люди в политике 20 века оказывались не на той стороне. Одни, как Эзра Паунд, Кнут Гамсун, Вальтер Гизекинг поддержали нацистов. Другие, как Теодор Драйзер, Генрих Манн, Леон Фейхтвангер и еще многие, симпатизировали коммунизму.

Некоторые потом об этом сожалели, Фейхтвангер, например.
*На известных людях, включая известных артистов, лежит большая ответственность.*Верно. Наверное, я даже могу понять причины этого явления: творческие натуры склонны к идеализации. Но я также всегда сознавал, что на известных людях, включая известных артистов, лежит большая ответственность. Они должны выражать свое мнение по политическим и социальным вопросам осторожно именно в силу своей известности. Поэтому я в течение долгого времени избегал высказываться на политические темы.

Вы считаете, что у человека всегда есть выбор? Даже в тоталитарном

обществе?
Это зависит от того, чем человек готов рисковать. Если собственной жизнью, то да. Лично я, наверное, рискнул бы жизнью, чтобы спасти жизнь другого человека в исключительных обстоятельствах. Но, честно признаюсь, живя в худшем варианте тоталитарного общества, я бы своей жизнью не рисковал ни по какой другой причине.

Несколько лет назад Вы по самоучителю выучили идиш – начали читать и даже устраивать литературные вечера. Почему?
В детстве я проводил лето с моими бабушкой и дедушкой по материнской линии на даче, которую они построили в 50 км от Москвы. Они много говорили на идише. И недавно я написал об этом стихотворение, тоже на идише. Оно даже будет скоро опубликовано в одном из блогов газеты «Форвартс», издаваемой в Нью-Йорке на идише прекрасным писателем Борисом Сандлером, с которым мы несколько лет назад очень подружились.

Еще в детстве я выучил несколько слов на идиш, и с тех пор ностальгия по этому языку оставалась в моей душе.

Когда в СССР начались перемены, о которых я говорил, они коснулись и национальных движений по всей стране. Именно они стали причиной того, что рухнул не только режим, но вся империя. У меня были тогда друзья в Грузии и Армении - я всегда любил эти страны, их людей, их культуру. В какой-то момент мне стало стыдно, что мои друзья знали языки своих народов, а я нет. Надо заметить, что даже в советские времена Грузия была республикой, наиболее либерально относившейся к евреям, а в 1990-х годах стала первой страной, где начали открыто преподавать иврит – в СССР это был единственный язык «вне закона», так как с начала 1920-х он считался языком реакционных религиозных групп. Вернее, он преподавался в некоторых специализированных учебных заведениях, только евреев туда не принимали.

Так вот, мои грузинские друзья говорили: мы выучим иврит, потом тебя научим. Смешно… и стыдно.

А почему Вы решили учить идиш, а не иврит?
Из-за воспоминаний детства.

Вы обладаете многочисленными наградами самых разных стран. Есть ли среди них те, что особенно Вам дороги?
Премия «Триумф» 1997 года, о которой я говорил выше. Не только потому, что она вручается лучшим представителям российской культуры, но и потому, что это было особым событием. Обычно церемонии проходят на русское рождество, а результаты объявляются где-то за месяц. Узнав о награждении, я понял, что из-за записи в Лондоне с Джеймсом Ливайном не смогу приехать. Тогда в мою честь была организована отдельная церемония, и там я впервые встретился с выдающимися коллегами, которые были либо обладателями премии, либо членами ее жюри. Это был мой первый приезд в Россию после более чем пятилетнего отсутствия.

Вторая важная для меня награда – степень почетного доктора Еврейского университета Иерусалима. Это тоже был особый момент в моей жизни.

Жизнь не черная и не белая. История еврейского народа богата и сложна, поэтому большинство, если не все, евреи, родившиеся и живущие вне Израиля, не могут не иметь «двойную идентификацию» (double identity). В моем случае - русский и еврей. То есть это, разумеется, ощущение принадлежности к России, стране, где я родился и вырос, и чью культуру впитал с молоком матери, и к Израилю, моей исторической родине, стране моего народа. У меня не только нет никаких сожалений в связи с этим, но наоборот, это обогащает мое существование.

Без сомнения. У Вас есть русский и британский паспорта, квартиры в нескольких странах. Где Вы чувствуете себя дома?

*Моя мечта – умереть в Москве и быть похороненным в Иерусалиме. Последнее, что я хотел бы увидеть перед смертью, - это двор дома, в котором я вырос.*К сожалению, нигде. Когда я бываю в Москве, то, естественно, испытываю ощущение, что это мой родной город. Однако он изменился настолько за эти почти 22 года, что я не могу по-настоящему почувствовать себя дома. В моем случае определение дома не применимо ни к одному городу, ни к одной стране. Да, конечно, я чувствую очень сильную связь с Иерусалимом, но опять-таки, я там не дома. Моя мечта – умереть в Москве и быть похороненным в Иерусалиме. Последнее, что я хотел бы увидеть перед смертью, - это двор дома, в котором я вырос.

Давайте не будем торопиться! Из-за грибка на пальце Вы отменили свое последнее выступление на Фестивале в Вербье, а мы не стали свидетелями исторического события – Вашего первого совместного выступления с Максимом Венгеровым. Как получилось, что будучи знакомы столько лет, вы никогда вместе не играли?

Знаете, я недавно понял, что порой некоторые моменты в жизни музыканта, да и любого творческого человека, кажутся гораздо более загадочными внешнему наблюдателю, чем они есть на самом деле. *(Смех и аплодисменты в зале. – НС)* Почему я до сих не играл с Максимом Венгеровым? Конкретной причины нет, просто не довелось.

Значит, еще есть надежда?
Конечно, обязательно! Мы уже обменялись несколькими мэйлами, решив, что достигли момента в наших жизнях, когда мы можем создать что-то хорошее. Мы познакомились, когда Максиму было 12, а мне 14 лет, и всегда восхищались игрой друг друга. Так что мы планируем что-то на сезон 2015/16 годов. Мы думали не о Вербье, но о выступлениях в США и европейских городах. Возможно также трио с Мишей Майским и Александром Князевым, который дважды в прошлом выступал в Вербье, учился со мной в одной школе и которым я всегда очень восхищался.

Что продолжает привлекать Вас в Вербье – ведь за двадцать лет существования фестиваля Вы пропустили только два выпуска?
Каждый раз, когда машина, привозящая мою семью из женевского аэропорта или с вокзала, останавливается здесь, и мы открываем дверцу и выходим, я не могу не подумать восхищенно: какой чистый воздух! Как нигде в мире! И конечно, замечательный Мартин Энгстроем сразу понял и упомянул в одном из интервью, данном во время второго выпуска фестиваля, что он попал в точку, предложив музыкантам нечто, отвечающее их потребностях.

Мы все можем находиться здесь дольше, чем обычно, по десять дней, а то и больше. Приезжать с семьями, останавливаться не в гостиницах, а в частных квартирах или домах, совмещать работу и отдых. Плюс – красота и свежий воздух. И, конечно, компания друг друга, возможность вместе играть камерную музыку. Кстати, именно здесь я впервые играл камерную музыку с некоторыми из моих замечательных коллег, например, с Джеймсом Ливайном. А порой этот первый опыт становился и единственным, как, например, с Исааком Стерном или с Томасом Квастхоффом. Все это для нас очень привлекательно, поэтому многие музыканты и приезжают сюда если не каждый год, то регулярно.

Здесь царит семейная атмосфера, чего не скажешь о прекрасном и знаменитом Фестивале в Зальцбурге. Он очень престижен, я с удовольствием принимаю в нем участие, но он приобрел снобскую репутацию, достаточно сравнить, как по-разному одевается публика!

Несколько вопросов из аудитории:

Когда Вы играете, то в какой степени стремитесь понять, что хотел бы услышать Шопен?
Я не атеист, но то, что я сейчас скажу, могу воспринимать только с юмором. Лет двадцать назад после концерта в Италии ко мне подошла невысокого роста женщина и сказала: «Я – медиум. Мистер Шопен был со мной сегодня вечером и сказал, что сегодня Вы играли его музыку лучше всех». Тут вспоминаешь слова из Библии: не верь тем, кто общается с мертвыми, даже если они пророчествуют.

Теперь к Вашему вопросу. Из всех великих композиторов только Игорь Стравинский считал, что если не вся, то, по крайней мере, его музыка должна исполняться одним единственным образом, не оставляя места ни для какой интерпретации. Но даже он, как ни странно… несколько дней назад я давал интервью для российского телевидения, которое проводил один из участников фестиваля, Дмитрий Ситковецкий. И когда я упомянул Стравинского и его отношение, Дмитрий заметил, что Стравинский любил позировать и порой говорил вещи, в которые сам не верил. Дмитрий упомянул имя концертмейстера Бостонского симфонического оркестра, который, уже выйдя на пенсию, рассказал, как он играл «Историю солдата» под управлением самого Стравинского, сказавшего во время одной из репетиций: «Поддайте тут цыганщины!»

Понимание того, как бы композитор хотел, чтобы исполняли его музыку, - это вопрос вкуса. Что касается всех остальных великих композиторов, мы знаем, например, что Сергей Рахманинов очень восхищался тем, как исполняли его Третий концерт Владимир Горовиц и Вальтер Гизекинг. Однако мы также знаем по записям, что две эти интерпретации очень отличались между собой. Более того, если послушать исполнение Рахманиновым своей собственной музыки, то заметим, что он сам порой не соблюдал собственные метрономические указания! То же относится к записям Клода Дебюсси его собственной музыки, он тоже не соблюдал некоторые из собственных указаний. Я думаю, это говорит о двух вещах. Первая: великие композиторы не могли быть ограниченными в своем видении. Вторая: понимание того, как бы композитор хотел, чтобы исполняли его музыку, - это вопрос вкуса.

Недавно я разговаривал с педагогом и пианистом Феликсом Готлибом, который раньше много играл на клавесине. Он серьезно изучал Баха, прочел массу книг, в том

числе, на немецком, прослушал массу записей. Я спросил его: поскольку Бах писал для клавесина, а мы играем его музыку на рояле, который, разумеется, звучит по-другому, что нам позволено? Каковы пределы, за которые нельзя заходить? И он ответил: так нельзя рассуждать – можно, нельзя. Это вопрос вкуса.

Исполнение всегда должно звучать убедительно. Когда прекрасная российская пианистка Татьяна Николаева сыграла 24 прелюдии Шостаковича – а она была их первой исполнительницей – Дмитрий Дмитриевич сказал: «Я даже не подозревал, что написал такую хорошую музыку».

Пример обратного. Знаменитый Квартет Бородина начал играть Шостаковичу один из его квартетов. В самом начале виолончелист решил, что будет лучше сыграть одну ноту *pizzicato*, а не arco, как написано в партитуре. Как только они начали играть, Шостакович остановил их и в своей невероятно деликатной манере сказал: «Простите, там написано *arco*». Музыкант ответил: «Мы знаем, Дмитрий Дмитриевич, что там написано *arco*, но может, эту ноту лучше сыграть *pizzicato*». На что Шостакович ответил: «Да, так конечно же будет лучше, но пожалуйста, сыграйте *arco*».

Слушая Ваши живые исполнения или записи, мы ощущаем, насколько Вы чувствуете музыку…
Есть разные манеры исполнения: более эмоциональные, более интеллектуальные. Обе имеют право на существование, но невозможно исполнять музыку, не чувствуя ее. Я начал играть в 2 года и 2 месяца, потому что от природы у меня было ощущение музыки, и я хотел им поделиться.

Не будь я музыкантом, стал бы туристическим гидом или независимым журналистом. Я понял, что объединяет три эти профессии: и музыкант, и гид, и независимый журналист делятся с другими людьми тем, что они любят, что им дорого. Знаете, меня уже давно начали спрашивать, кем бы я был, если бы не стал музыкантом. Сначала я не нашел ответа, так как не мог допустить такой вероятности. Потом меня еще раз несколько спрашивали тоже самое и, подумав, я пришел к выводу, который, возможно, вас удивит. Я решил, что, не будь я музыкантом, стал бы туристическим гидом или независимым журналистом. А потом, еще подумав, я понял, почему, понял, что объединяет три эти профессии. Все они: и музыкант, и гид, и независимый журналист – делятся с другими людьми тем, что они любят, что им дорого. А еще подумав, я понял, почему я с раннего детства так любил играть при публике: во мне всегда была потребность делиться с другими тем, что я люблю, иными словами, делиться моими чувствами. По той же причине, в качестве хобби, я так люблю декламировать стихи.

Вы говорили, что в детстве сочиняли музыку, продолжаете ли Вы это делать? Побываем ли мы когда-нибудь на концерте «Кисин играет Кисина»?
Действительно, начав играть на слух, я сразу стал импровизировать собственную музыку. Научившись читать музыку, я начал ее записывать. Как только я узнавал что-то новое, сразу применял это в моей музыку. В первом публичном концерте – мне было семь лет – я исполнил четыре собственных сочинения. На афише нашего школьного концерта в Большом зале значилось: «Кисин. Четыре пьесы. Исполняет автор». И я помню, как отыграв, я вышел в зал и, проходя между рядами, услышал мужской голос, сказавший: «Вот он, автор». Напоминаю, мне было семь лет, и я был очень маленького роста.

Потом я пробовал писать для других инструментов. Они меня всегда интересовали, я обожаю читать о них. Пытался сочинять в разных стилях. А потом наступил момент, когда я просто не знал, что делать дальше, и это совпало с началом активной концертной деятельности. Мне ясно, что то, что я делаю на рояле, представляет гораздо большую ценность, чем все, что я мог бы сочинить.

Знаете, Сергей Прокофьев был прекрасным пианистом, но когда кто-то предложил ему дать концерт из собственных произведений, он ответил : «Да, но ведь это стоит пол-сонаты». В моем случае – наоборот. Поэтому я всегда отказываюсь участвовать в жюри конкурсов, эти две недели можно потратить с большей пользой.

Что Вы чувствуете после концерта, когда Вы уже отдали столько своей души, а публика требует еще и еще, и Вы видите перед собой эту черную рукоплещущую дыру?
Прежде всего, это не черная дыра. Это люди, для которых я делаю то, чему посвятил свою жизнь. Когда заканчивается программа, а публика просит еще, - это счастливейшие моменты моей жизни. Однажды, в начале 1990-х я играл в Берлине программу Шопена, и публика не отпускала, пока я не сыграл восемь бисов. И тогда я обратился к аудитории на своем плохом немецком, чего никогда не делаю, чтобы сказать : «Большое спасибо, вы не представляете, как я сейчас счастлив!»

Когда заканчивается программа, а публика просит еще, - это счастливейшие моменты моей жизни. А однажды было еще лучше. В прекрасном старинном городе Болонье, на который пришлась середина моего итальянского турне, я с некоторым стыдом вспоминаю, что вышел на сцену не очень вдохновленным. Но концерт прошел нормально. Отыграв четыре заготовленных биса, я начал играть по памяти, а слушатели все просили еще. После полуночи на сцену вышел пожарник и сказал: «Ну хватит ! Это муниципальное здание, я закрываю!» К этому моменту я сыграл уже 13 бисов, и этот час, когда я играл по памяти, был одним из счастливейших часов в моей жизни, я был, как мы говорим по-русски, на седьмом небе!

Во время интервью (NashaGazeta.ch)
Евгений Кисин

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/evgeniy-kisin-moy-edinstvennyy-kriteriy-eto-lyubov